

Батуев А.В., краевед

«Итальянская» забастовка лысьвенских прокатчиков

В советское время ЛМЗ как производственная единица входил в Министерство черной металлургии, а территориально подчинялся Уралчермету (г. Свердловск). При плановой экономике СССР в системе Минчермета лысьвенскому заводу отводилась роль выпускающего товары народного потребления (так называемая группа «Б»). Здесь производились посуда, ведра, фляги, а чуть позднее — бытовые электроплиты. По этой причине цеха, относящиеся к группе «А», то есть занимающиеся производством средств производства, серьезных капиталовложений не получали. В этих условиях выполнение производственных заданий во многом зависело от человеческого фактора — выносливости и здоровья прокатчиков, сталеваров и других «тяжеловесов» металлургического производства. Стимулом для них служили высокая зарплата и возможность заработать «горячий» стаж.

СОЛНЦЕ, ВОЗДУХ И ВОДА...

Угадать, какое отношение к листопрокатному цеху № 2 имеет последнее слово в этом детском стишке, не так просто. Однако имеет. Желание побольше узнать о забастовке, которая произошла в «жести второй» в 1965 году, привело меня к Анатолию Боровкову. Его «горячий» стаж просто огромен - 30 лет. Как выяснилось, вместе с соратниками по прокатному стану он был участником той «бузы». Ветеран рассказал:

- В цехе - жара, духота страшная. В то время даже вытяжной вентиляции не было. Обмороки, тепловые удары, как говорится, сплошь и рядом. Поэтому летом, в особо жаркие дни, у цеха постоянно дежурила карета скорой помощи. Разогрев печей был на мазуте, а если он плохой, — гарь по всему цеху. Огромные слипшиеся пласты мазута убирала из-под прокатного стана вручную.

Окна в цехе были закопчены, и свет сюда проникал лишь там, где они были разбиты, да ещё через проёмы под самой крышей. От этого всё переливалось, как елочный серпантин. Представляете?! В воздухе - окалина. Надышишься этим, идешь домой с работы - только и знаешь, что отхаркиваешься. Зимой сплунешь на снег — чернота. Вот чем дышали.

С другим природным фактором - водой - было получше. В цехе стояли автоматы с газировкой. Но популярностью у рабочих они не пользовались — вода там нагревалась настолько, что пить её было невозможно. Здесь использовалась рабочая смекалка. Возле цеха создавалось что-то типа ледников: зимой мужики из шлангов поливали площадку водой, и так, слой за слоем, образовывались ледяные пригорки, которые весной плотно закрывались опилками. Лед под ними сохранялся почти всё лето. Прокатчики долбили лед, заполняли им ванны и затаскивали в цех. Там, у клетки, ставили в лед чайники и пили холодный чай - он лучше восполнял потери воды в организме. А они были колоссальными: в летнюю жару прокатные клетки превращались в настоящее пекло.

- После смены у прокатчиков в ходу был другой напиток - пенный, - делится воспоминаниями работавший в ЛПЦ-2 В. Совков. - Любимым местом отдыха, своего рода местом психологической реабилитации, был буфет в госстроевской бане. График его работы обеспечивал ему огромную популярность. Шли туда целыми бригадами. Буфетчица Паня открывала его всегда ко времени окончания ночной смены в горячих цехах. За глаза её называли Панькой, но в этом просторечном имени угадывалось истинное уважение, а заслужить его у ребят из горячих цехов было не так-то просто. Для неё они всегда были публикой желанной и почитаемой. При их появлении она громко объявляла: «Обслуживаю только прокатчиков! Остальные могут очередь не занимать!».

Существовала для них ещё одна привилегия: пиво в большие пузатые кружки она могла налить и в долг - до полочки. Павел Чернобров, в прошлом - вальцовщик ЛПЦ-2, рассказывает:

- Посещение Панькиной «баньки» было сродни священному ритуалу. Там обсуждали всё — спорт, цены, дела житейские, рыбалку и, конечно, «травили» анекдоты...

Именно эта пивная, пристроенная к госстроевской бане, стала местом, где созрела идея протеста.

Имя «Александр» у древних греков включало в себя понятие «защитник». И, вероятно, каждый носитель в какой-то мере выполняет это предназначение. В листопрокатном цехе им оказался Александр Иванович Ващинский. Родился он в 1926 году на Украине, в Днепропетровске, в семье рабочего-металлурга. К лету 1941 года закончил 7 классов. С начала войны и до 1943 года Ващинские находились на оккупированной немцами территории. После того, как город был освобождён от фашистов, Александр поступил в местный индустриальный техникум. Пошёл по стопам отца и выбрал прокатное отделение. Получил диплом с отличием. В 1948 году был принят на дневное отделение Днепропетровского металлургического института им. И.В. Сталина, успешно его закончил, став инженером. В 1953 году по распределению Министерства металлургической промышленности СССР был направлен в распоряжение директора Лысьвенского металлургического завода. Здесь он получил направление в жестепрокатный цех в должности помощника мастера с окладом не ниже 880 рублей.

10 июля 1953 г. молодой специалист Александр Ващинский приступил к работе в жести-2. Александр Иванович прошёл по всем ступеням служебного роста до должности заместителя начальника цеха. Личная жизнь тоже удалась — жена, две дочери. Любимое увлечение, оставшееся со студенческой скамьи, - спорт. Он был членом сборной города по баскетболу.

Желание получить глубокие специальные знания привело А. Ващинского в аспирантуру Уральского политехнического института, в которой он учился без отрыва от производства. В 1962 году его приняли в ряды КПСС. Так что Александр Ващинский был для завода перспективным инженерно-техническим работником.

Другим действующим лицом тех событий стал начальник ЛПЦ-2 Иван Иванович Жданов. Те, кто сталкивался с ним в этом качестве, говорят о нём как о руководителе кабинетном, который был жестковат, а порой и груб с подчинёнными. Нет сомнений: быть заместителем такого начальника - дело нелёгкое. Вероятно, по этой причине 25 ноября 1964 г. на стол директора ЛМЗ лег документ А. Ващинского с просьбой отпустить его на родину. Резолюция директора Е. Одинцова была краткой: «Нет возможности удовлетворить просьбу».

Закончилась зима 1964 года. На доске объявлений вывесили списки о зарплате за февраль. Цифры повергли многих в шок: у бригады П. Сакова, состоящей из девяти человек, было только 600 руб., тогда как у нормировщика Кулешова - 480 руб., а у начальника Жданова 800. Надо отметить, среди прокатчиков было довольно много активных физкультурников, команды жести-2 гремели на весь город и по футболу, и в эстафетах, да и вообще во всех видах спорта. А среди спортсменов всегда бытует особая доверительность. Были такие и в группе изучавших списки. Они во главе с Володей Кучумовым подошли к своему товарищу по стадиону А. Ващинскому: мол, как же так получается? Почему одним - вершки, а другим - корешки? Ващинский посоветовал им поговорить на тему размера зарплат с мастерами, а потом - с начальником цеха И.И. Ждановым.

Пошумев в цехе между собой, прокатчики молча направились к проходной, дорога через которую вела в Госстрой, то есть к Паниной бане. Там, за кружкой пива, разговоры пошли уже не только с литературными оборотами. Порешили: завтра перед сменой будем говорить с начальством.

Так и произошло. Шум начался уже при разговоре с мастерами. Напряжённость возрастала. Позвали начальника И.И. Жданова. Вспоминая тот инцидент, А. Боровков рассказывает:

- Жданов с порога выругался: «Не хотите работать - ну и ... с вами!». Развернулся и ушёл. Разгневанные таким отношением, прокатчики решили: к работе приступать не будем. В раздевалке сидела вся смена. Прокатный стан крутился на холостом ходу, практически все клетки оставались пустыми. Работала только бригада Ю. Юрченко. Прошло два часа. В цехе появились представители заводоуправления, горкома партии, горисполкома, местного КГБ. Вопросы — ответы... Медленно, но конфликтную ситуацию погасили. В 14 часов забастовщики пошли по рабочим местам.

Что в итоге? Требования прокатчиков о повышении зарплаты были удовлетворены. Позднее в цехе была установлена вытяжная вентиляция, постепенно начали расти тарифы и расценки. И вдруг как гром среди ясного неба по радиостанции «Голос Америки» прозвучало сообщение: мол, в поселке Лысьва произошла забастовка рабочих, которые выдвинули свои требования. Такой удар идеологического противника требовал адекватных и достойных действий. Оргвыводы были сделаны, кадровая зачистка произведена. Александру Ващинскому напомнили о том, что он хотел уехать на родину, и предложили покинуть Лысьву. Чем быстрее, тем лучше. На заявлении о переводе в Днепропетровск, которое он подавал в 1964 году и где значилась отказная виза директора, появилась новая запись - о согласии на увольнение. А уже в мае А.И. Ващинский и его семья покинули Лысьву. Общий стаж работы Александра Ивановича на ЛМЗ составил 11 лет 8 месяцев.

Отстранили от должности и начальника цеха — И. И. Жданова. С марта 1965 года цех возглавил тридцатилетний Александр Клементьев, будущий директор ЛМЗ.

Александр Иванович вспоминает:

- В начале марта меня, тогда заместителя начальника ЛПЦ-1, пригласили в заводоуправление. Это насторожило: за подобными «приглашениями» обычно стояли неприятности. Но когда в назначенный час я прибыл к директору Е. Одинцову, он предложил мне возглавить жесь-2. Это было для меня большой неожиданностью. Я знал, что дела там шли неважно, стиль работы тогдашнего руководителя И.И. Жданова считал недопустимым. Но как бы там ни было, приказом по заводу меня поставили руководить этим цехом. Вскоре после моего назначения произошли перемены и в руководстве партийной организацией. Она была одной из самых многочисленных на заводе. Бывшего секретаря Павла Ершова сменил авторитетный, умеющий находить подход к людям Николай Шкляев. Непродолжительное время, примерно два месяца, моим заместителем был Александр Ващинский. Основательно с ним познакомиться не успели: как-то неожиданно, в мае 1965 года, на заводе его не стало. На его место утвердили В. Гершгорина. Постепенно общими усилиями начали проводить в цехе технологические перемены...».

Об этой забастовке рабочих постарались забыть: о ней не сообщалось в местной прессе, а сами прокатчики, скорее всего, не придали ей какого-то особого значения. Однако она не прошла бесследно. В конце мая в жесь-2 пожаловало большое областное начальство: председатель облсовпрофа Борис Коноплев. За

глаза его называли «царь Борис». В беседе с рабочими он заметил: «У вас каторжная работа. За неё надо платить»...

P.S.6 декабря 2008 года не стало Пелагеи Бартовой. Опубликованное в «Искре» сообщение об этом стоило бы уточнить: не стало Пани из бани. И в этом нет ничего ироничного. Именно так знали и звали Пелагею Бартову многочисленные посетители торговой точки в Госстрое, где она работала буфетчицей. К прокатчикам у Пани было особое отношение - уважительное.